

Есев Кирилл Евгеньевич

магистрант

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

г. Киров, Кировская область

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕГУЛИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация: в статье выносятся на обсуждение вопрос о потенциальной роли искусственного интеллекта (ИИ) в регулировании гражданских процессуальных правоотношений, выявление его положительных и отрицательных сторон, а также рассмотрение перспектив внедрения ИИ в эту область. Для достижения поставленных целей автором проведен анализ работ, затрагивающих обозначенную тему, приведены мнения различных авторов, дано определение изучаемому явлению.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, правоспособность, интеллект, субъекты гражданских процессуальных правоотношений, юнит искусственного интеллекта, машинное обучение, алгоритмы.

В современном мире технологии развиваются стремительными темпами. За прошедшие два десятилетия технологии искусственного интеллекта (ИИ) уже стали неотъемлемой частью многих сфер жизни, таких, например, как сфера права. В частности развитие ИИ не могло не поставить вопрос о его пока еще гипотетической, но вполне реальной в недалеком будущем роли в регулировании гражданских процессуальных правоотношений. Разберемся в данном, набирающем актуальность вопросе чуть подробнее.

Легальное определение ИИ приведено в указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором зафиксировано, что ИИ есть комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении

конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. В юридической науке использование ИИ возможно в разных направлениях: от автоматизации рутинных задач до предсказательной аналитики. Использование ИИ в этом контексте направлено на повышение эффективности, точности и справедливости судебных процессов. Возможные направления применения ИИ в различных стадиях гражданского судопроизводства более чем обширны. В каждой из этих стадий ИИ может выполнить значимые функции для оптимизации и улучшения процесса. Круг вопросов, писал С.В. Фомин, охватываемых, объединяемых понятием «искусственный интеллект», является весьма обширным и достаточно неопределённым. На стадии подачи иска ИИ может использоваться для автоматического формирования и анализа документов, проверки их на соответствие формальным требованиям и предварительной юридической оценки. Это позволяет уменьшить количество ошибок и ускорить процесс подачи иска. На стадии подготовки дела к судебному разбирательству ИИ способен анализировать большие объемы данных, что может быть полезно для установления фактических обстоятельств дела, выявления существенных доказательств и структурирования информации. Кроме того, это облегчает работу адвокатов и судей, улучшает качество подготовки дела. ИИ-модели также могут использоваться для прогнозирования исхода дела на основе анализа предыдущих судебных решений. Это, в свою очередь, помогает судьям видеть возможные варианты решений и выбирать наиболее справедливое и правомерное. На стадии вынесения решения ИИ может поддерживать судей, анализируя правовые нормы и судебную практику, предлагая справедливые и законные решения. Однако, не вызывает сомнений, что даже при таком, более чем широко использовании ИИ в отправлении гражданского судопроизводства окончательное решение всегда должно приниматься человеком.

Ученые, исследующие данный вопрос, сходятся во мнении, что использование ИИ в гражданском судопроизводстве, пусть пока и весьма гипотетическое, будет иметь ряд преимуществ, среди которых эффективность, автоматизирующая рутинные задачи и позволяющая участникам процесса сосредоточиться на более сложных

и важных аспектах дела; точность, позволяющая ИИ анализировать большие объемы данных и находить закономерности, снижая вероятность ошибок. Среди возможных плюсов использования ИИ также выделяют их скорость и прозрачность судебного процесса, которой можно добиться в результате их использования. Хендрик Праккен указывает на 3 перспективно успешных направления применения технологий и юнитов искусственного интеллекта в юридической практике: содействие принятию решений по крупным объёмам задач (как, например, в государственном управлении); извлечение, обобщение и интеграция правовой информации; прогнозирование последствий принятия решений в специфических сферах.

Кроме того, с помощью искусственного интеллекта, как обоснованно указывают Джон МакДжиннис и Рассел Пирс, можно производить предиктивный (предсказательный) анализ, который направлен на прогнозирование. Право с его огромным количеством информации, в которую входят и судебная практика, и другие документы, поддаётся машинному анализу данных, лежащему в основе предиктивного анализа. Правовая информация может включать в себя фактические обстоятельства дела, прецеденты и исходы дел. Такие данные возможно использовать для прогнозирования исхода дела.

ИИ быстро развивается и уже выполняет сложные задачи, такие как обработка больших массивов данных, предоставление юридических консультаций, и даже участие в судебных разбирательствах в качестве вспомогательного инструмента. Примеры включают такие системы, как IBM Watson, которые могут анализировать юридическую документацию и предлагать решения.

Однако в случае внедрения систем ИИ в гражданское судопроизводство в будущем перед законодателем и правоприменителями неизбежно встанет очевидный вопрос: какое место ИИ может занять в системе субъектов гражданских правоотношений? И может ли вообще?

Принято считать, что правосубъектность – это предусмотренное нормами права свойство быть участником правоотношений. Она традиционно включает в себя три ключевых компонента: правоспособность (способность обладать гражданскими правами и обязанностями), дееспособность (способность самостоятельно

осуществлять эти права и обязанности) и деликтоспособность (способность лица самостоятельно нести ответственность за вред, причинённый его противоправным деянием). В современной правовой системе правосубъектность обычно присуща физическим и юридическим лицам. Для ее понимания необходимо обратить взгляд на понятия субъекта права и правоотношений: между ними существует значительная разница, поскольку субъект права – лицо, находящееся под общим абстрактным влиянием права, тогда как субъектом правоотношения является тот, кто предметно и непосредственно осуществляет совокупность принадлежащих ему прав и обязанностей. М.М. Рассолов в статье «Проблемы теории правоотношения» указывает: «Любой субъект правоотношения – всегда субъект права, но не всякий субъект права – участник того или иного конкретного правоотношения». Таким образом, суть субъекта права находит свое отражение в правосубъектности, т.е. через триединство правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, поскольку если лицо гипотетически не обладает теми или иными правами и долженствованиями, то оно и не может их реализовать.

Заслуживает упоминания статья Афанасьева С.Ф. «К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта», в которой он указывает на антропоцентричность понимания субъекта права и его правосубъектности. В качестве подтверждения такого подхода автор приводит в качестве примера детей, которые хотя и были рождены после смерти наследодателя, все же могут призываться к наследованию, поскольку были зачаты при его жизни. «Другими словами, *nasciturus* есть субъекты права, ведь они наделены законом наследственными правами, но не субъекты осязаемого правоотношения, коль скоро лишь в будущем могут стать участниками соответствующих общественных взаимосвязей, если, конечно, родятся живыми, чьи легальные интересы будут институализированы с помощью действий уполномоченных на то представителей».

Даже получив развитие в дальнейшем, правовая мысль сохранила отчетливое утверждение ценности и центричности самого человека, поэтому по-прежнему любой субъект права как обладатель обширных юридических потенций должен был оставаться антропогенным или антропоморфным.

Обратимся теперь к рассматриваемому вопросу о потенциальной правосубъектности ИИ и, в том числе, о его возможном месте в системе субъектов права, в том числе, гражданских процессуальных правоотношений. В его контексте нельзя не упомянуть указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в котором зафиксировано, что ИИ есть комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. В приведенном определении необходимо выделить главную мысль: ИИ – это не просто набор технологий, специальных методов и алгоритмов. В первую очередь, это такие технологии, которые способны воспроизвести когницию – особый психологический механизм, направленный на обработку человеческим сознанием определенной информации, и, во-вторых, приводят к появлению интеллектуального продукта. Подобная дефиниция в приведенном Указе подтверждает связь ИИ с антропоцентрическим подходом и антропоморфным поведением небиологических субъектов, то есть с изучением работы человеческого мозга. По своей сути ИИ, использующий искусственную нейронную сеть (ИНС), есть технологическая и математическая модель, построенная по образцу и подобию нервной системы *homo sapiens*, которая вбирает в себя центральную (головной и спинной мозг) и периферическую подсистемы (соматика, вегетатика и др.). Согласно так называемой «теменно-фронтальной теорией интеграции», интеллект зависит от способности мозга интегрировать – собирать воедино – несколько разных типов потоков данных». Более того, в 2022 г. в полусатом теле головного мозга обнаружили популяцию нейронов, которые срав-

нивают предполагаемый и реальный результат действий. Именно они принимают участие в ходе принятия сложных решений, требующих оценки рисков и преимуществ вариантов. Таким образом, мозг человека сводит в единое целое всю получаемую от органов чувств информацию однако для того, чтобы утверждать о наличии интеллекта, одного этого явно недостаточно. Интеллект является результатом комбинации сбора и обработки различных информационных потоков, обнаружения системных закономерностей и получения логически верных умозаключений. Такое сложное объединение познавательных способностей человека – восприятия, памяти, воображения, мышления, воли, управление эмоциями и интуицией позволяет появиться знанию. При достижении человеком определенного возраста его умственный функционал может деградировать, и тогда головной мозг как бы «откатывается» в своем развитии назад. Но такое «скачивание» определённо не характерно для ИИ: наоборот, он развивается, самообучается за счет имманентной трансформации и налаживания внутренней структуры нейронных сетей. Чтобы понять природу ИИ, необходимо упомянуть устройство, опробованное в 2008 г.: оно называется «мемристор», и его название образовано из двух слов: memory (память) и resistor (сопротивление). По своей сути этот микроэлектронный компонент представляет из себя необычную разновидность резистора у которого присутствует своеобразная память. Потенциал использования нового элемента довольно широк, ведь мемристоры можно применять не только для сохранения полученных данных, но и в качестве элемента активно участвующего в обработке потока данных. В теории с помощью мемристоров вполне можно будет создать искусственный синапс в составном комплексе нейронных сетей. Ведь реальное поведение мемристора очень схоже с поведением синапса: то есть чем больший сигнал через него проходит, тем лучше пропускная способность в дальнейшем. Таким образом, это устройство похоже на работу нейронного синапса, отвечающего за передачу нервного импульса между клетками живого организма с участием комплекса нейромедиаторов, что сыграло роль в построении нейроморфной архитектуры ИИ, которая эффективно подражает деятельности головного мозга человека.

Развитие данных технологий служит предпосылкой для дальнейшего перехода от слабого ИИ или к сильному ИИ, действительно способному имитировать базовые когнитивные способности человека и достигать аналогичных результатов. В ходе такого перехода могут быть реализованы такие познавательных элементы, как восприятие, память, мышление, и некоторых иных, что служит катализатором дискуссий о целесообразности придания ИИ статуса субъекта права, а также о его общей или специальной правосубъектности.

Данная проблематика является предметом оживленной дискуссии в научных работах. Ряд авторов придерживается позиции, что необходимость реагировать на нее в настоящий момент отсутствует: например, Е.Г. Авакян отмечает что «искусственный интеллект не обладает должной познавательной и мыслительной функцией. Это лишь глобальный аналитический механизм, который компилирует мысли и программные коды». И.Н. Тарасов и И.Н. Сеницын указывают, что «применительно к человеку субъектность, как правило, обосновывается либо дескриптивно – через атрибутивные свойства человеческого сознания (воля, способность к мышлению, к автономному принятию решений, самосознание), либо посредством аксиологического подхода – через репрезентацию в праве системы ценностей, во главе которой стоит человек. Применимость обоих вариантов к ИИ сомнительна».

Другие исследователи придерживаются обратного мнения. Они активно обсуждают разные модели специфического правового статуса ИИ, в большинстве случаев приходя к выводу о том, что целесообразно понимать под «субъектом права» всех носителей юридических прав и обязанностей (а не только человека; к примеру, в качестве таковых выступают искусственно созданные конструкции: государство, институты гражданского общества, юридические лица и т. д.) или же использовать концепцию квазисубъектности ИИ, которая предполагает, что как бы субъекты, в отличие от традиционных (подлинных), являются лишь уполномоченными, но не обязанными лицами в правоотношениях, поскольку не обладают полноценным юридическим статусом и собственной волей.

В роли одного из исследователей данного вопроса выступает Ястребов О.А., который указывает на необходимость закрепления правового статуса ИИ не только частноправовыми, но и публично-правовыми нормами – в первую очередь, нормами административного права.

Интересно также мнение С. Честермена, который рассматривает различные позиции зарубежных ученых о возможности наделения ИИ «какой-либо формой правосубъектности». Автор отмечает, что наиболее частым решением является наделение ИИ-систем правосубъектностью юридических лиц, таких как корпорации. В дискуссиях ученых при этом выражается идея о том, «что по мере приближения систем ИИ к точке неотличимости от человека они должны иметь право на статус, сравнимый с физическим лицом». Однако при наделении ИИ правосубъектностью по модели правосубъектности физического лица возникает вопрос об основании такого наделения. Очевидно, что возникновение у ИИ правосубъектности физического лица по факту рождения или, в данном случае, создания, невозможно. Именно поэтому предоставление ИИ правосубъектности искусственного юридического лица в форме корпорации представляется наиболее верным. Вместе с тем по мере приближения систем ИИ «к точке неотличимости от людей, т.е. когда они проходят тест Тьюринга, они должны иметь право на статус, сравнимый с физическими лицами». «В течение нескольких десятилетий тест А. Тьюринга был связан скорее с вопросом о том, возможен ли сам ИИ, а не с юридическим статусом такого субъекта. Тем не менее он обычно используется в дискуссиях о правосубъектности для ИИ», – подчеркивает С. Честермен.

Крысанова Н.В. в статье «К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта» приводит два основных довода в пользу идеи наделения ИИ правосубъектностью: во-первых, это проблема возложения ответственности за возможные негативные последствия действия ИИ, которая обусловлена пробелами в правовом регулировании ответственности ИИ-систем, их автономией и непрозрачностью. «Предоставление правосубъектности системам ИИ также сместило бы ответственность в соответствии с действующим законо-

дательством с существующих юридических лиц, создало бы стимул для передачи риска таким электронным лицам, чтобы оградить физические и традиционные юридические лица от ответственности. Такая же проблема и с корпорациями, которые могут быть использованы для защиты инвесторов от ответственности, превышающей фиксированную сумму их инвестиций. Для предотвращения манипуляций со стороны человека при злоупотреблениях системами ИИ некоторые ученые предлагают вообще не наделять их отдельным правовым статусом». Второй довод в пользу признания лицами состоит в том, чтобы гарантировать получение вознаграждения за положительные последствия действия ИИ. Основываясь на исследовании истории корпораций и других искусственных юридических лиц, С. Честермен не сомневается в том, что «большинство правовых систем *«могли бы признать ИИ- системы субъектом права».*

Однако наиболее интересным и перспективным представляется концепт «электронного лица», предлагаемый П.М. Морхатом: под ним он понимает «техничко-юридический образ (обладающий некоторыми признаками юридической фикции по аналогии с юридическим лицом), отражающий и воплощающий конвенционально (условно) специфическую правосубъектность юнита искусственного интеллекта, гетерогенную в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита и в силу этого аппроксимированную к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита». Более развернуто это определение звучит так: «это обладающий некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) формализованный технико-юридический образ (в значении воспринимаемой и сознаваемой третьими лицами целостной информационной проекции), отражающий, воплощающий модальную фреймизацию и детерминирующий в юридическом пространстве конвенционально (условно) специфическую правосубъектность персонафицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную (в части комплексов «прав» и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей

такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, то есть его функционально-целевому назначению»

Приведенная концепция также является объектом изучения и научного интереса ряда зарубежных ученых. Так, Джоанна Брайсон, Михалис Диамантис и Томас Грант в своих работах утверждают, что введение термина «электронное лицо» указывает на ясное намерение придать некоторым интеллектуальным артефактам (в том числе и юниту искусственного интеллекта) статус личности, а значит, наделить соответствующей правосубъектностью. Учитывая позицию, что сущность (субъект), которая каким-либо образом разумна или сознательна, имеет моральное право на собственный правовой статус, указанная концепция показывает, что автономная и саморегулируемая система ИИ может претендовать на обладание набором прав и обязанностей. Не смотря на то что она не является человеком, может презюмироваться, что система обладает необходимым интеллектом, уровнем психологического развития и даже самосознанием, что и человек, чтобы считаться правосубъектной, а также равна по своим возможностям физическому лицу.

Не смотря на то, что концепция электронного лица закрепляет правовой статус искусственного интеллекта и его носителя, и находит место в системе субъектов гражданских процессуальных правоотношений, ее критики все же указывают на невозможность наделения ИИ правосубъектностью ввиду отсутствия у него самосознания, морали и нравственности, чувств и свободной воли, а также невозможности полноценно привлечь к ответственности носителя искусственного интеллекта. Однако, сторонники данной концепции справедливо указывают на то, что наличие сознания еще не является основанием приобретения правосубъектности, а юридические лица и вовсе не наделены сознанием.

Анализируя концепции наделения ИИ правосубъектностью, нельзя не заметить, что при их разработке обычно используется концепция правосубъектности физического лица, что является достаточно спорным.

Считается, что «современный рационалистический подход к человеческой уникальности с точки зрения права на правосубъектность» в общем виде основан на способности человека к сложному мышлению, коммуникации и технологиям. Учитывая, что одна из основных задач искусственного интеллекта – это воспроизведение интеллектуальной деятельности мышления человека, то юнит хоть и не в полной мере в настоящее время, но отвечает заданному критерию. В научной литературе в продолжение этой мысли указывается, что на ранних этапах биологического развития человек тоже не обладает той полнотой мышления, как взрослый человек, но тем не менее признается субъектом права, что свидетельствует о гибкости этого критерия. Однако несмотря на то, что искусственный интеллект и человека, действительно, объединяет способность думать, в силу совершенно иной природы осуществляется это по-разному и с отличительными возможностями. Соответственно, можно ли поставить знак равенства между физико-химическим процессом мышления человека, осложненным внутренними социально-психологическими регуляторами, и «совершением действий, неотличимых от обдуманных» искусственного интеллекта?

Что касается способности к коммуникации, то есть к общению, то применимость этого критерия также спорна. Если общение сводится исключительно к обмену информацией между субъектами, то такое понимание хотя бы с технологической точки зрения соотносимо с сущностью искусственного интеллекта. Однако учитывая, что характеристики человека не ограничиваются только физико-биологическими, коммуникация предполагает также контакт, который осуществляется через призму внутреннего отношения к миру, «через обогащение субъектом своей жизнью жизни всех других субъектов». Возможность устанавливать искусственным интеллектом подобные контакты ставится под вопрос, поскольку во многом связана с процессом рефлексии.

В связи с этим еще одной важной характеристикой физического лица как субъекта права выступает самосознание. Именно оно показывает всю многогранность сущности человека, отличает его от других субъектов и объектов права,

демонстрирует наличие внутренних регуляторов, которые влияют на деятельность человека, что отражается на его способностях, а значит, правах, обязанностях и ответственности.

Нередко при рассмотрении данного вопроса понятия «сознание» и «самосознание» смешиваются. В связи с чем приводятся доводы о том, что сознание не является необходимым или достаточным условием для правосубъектности, поскольку, с одной стороны, «полностью сознательные физические лица, такие как дети, рабы, были лишены полной правосубъектности, а с другой – люди, временно не обладающие сознанием, например находящиеся в коме или спящие, на этом основании ее не лишаются», хотя и в некоторых случаях подвергаются довольно резким ограничениям своих прав. Высказываются точки зрения, что принятый на законодательном уровне определённый минимальный стандарт наличия (фиксации) конкретной степени сознания у юнитов искусственного интеллекта мог бы расширить возможности для признания их правосубъектности.

Однако сознание и самосознание представляют собой разные понятия, поскольку последнее не ограничивается только наличием психических процессов, активно участвующих в осмыслении окружающего.

Если обратиться к философии, то для самосознания важным является «выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценка <...> себя как личности, своих поступков, действий, мыслей, чувств», то есть сопоставление себя и объективного мира.

В своей «жизнедеятельности» с учетом развития технологий робот и любой другой носитель может и не контролироваться человеком, иметь возможность умело копировать и воспроизводить некоторые аналогичные человеческие процессы. Однако юнит не проходит социализацию, у него отсутствует нравственность, интуиция, характер и прочие составляющие физического лица, которые связаны с его осознанием себя, влияют на морально-нравственный багаж и лежат в основе его деятельности и принятии решений. Несмотря на то, что «разумный робот» может считывать данные из окружающей среды, взаимодействовать с внешними условиями и адаптировать свое поведение, обладает высоким уровнем

автономии и самокоррекции, у него отсутствует эмоционально-чувственная оценка окружающей действительности, и анализировать информацию через внутренние регуляторы он не способен. Этот аспект является крайне важным при установлении прав, обязанностей и пределов ответственности, которые объективно должны соответствовать возможностям и способностям искусственного интеллекта.

Говоря о возможной правосубъектности ИИ, нельзя не обратиться к известным римскому праву случаям уполномочивания без возложения обязанности, при которой обязанность несет реальный субъект правоотношения. Достаточно вспомнить Дигесты Юстиниана в части внедоговорных обязательств: «если раб нанесет оскорбление по приказу господина, то, конечно, к господину можно будет направить иск»; или *actio quod iussu*, т.е. требование, предъявлявшееся к господину, если подвластный сын или раб заключали договор с третьим лицом по повелению своего владыки.

В этом смысле правовое положение ИИ коррелирует с положением римских антропоморфных коллективных организаций, или рабов, домочадцев, детей. По этой причине в первом случае ИИ наделяется правосубъектностью через внедрение особых юридических конструкций с фикцией или эвфемизмов, содержащих возможность быть субъектом права, например таких, как «электронное лицо», «актор правосубъектности», «робот-агент», «роботизированный агент». «Следствием наделения юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью будет то, что такие устройства будут иметь не только права, но и обязанности», – подчеркивает П.М. Морхат. Во случае квазисубъектности за действия ИИ полную или субсидиарную ответственность будет нести создатель, владелец или пользователь небиологического интеллекта; они же вправе, например, одобрить совершенные ИИ сделки в случае, если подобное разрешено законом. В любом случае, о суверенной правосубъектности для ИИ в таком варианте быть не может. Очевидно, поскольку если лицо является полноценным субъектом права, носителем прав и обязанностей, о такое лицо должно нести ответственность за

свой осознанный выбор и реализованные решения. Как правильно отмечает В.В. Груздев, «правоспособность и дееспособность – это конкретные юридические формы, в которые облечена волевая способность лица в данный момент времени».

При этом необходимо помнить о публично-правовой природе гражданских процессуальных правоотношений, в силу которой они не приемлют «квази» конструкций: нельзя быть квазиистцом или квазиответчиком, и тем более «как бы судьей». Допустимо лишь быть презюмируемым истцом либо ответчиком с последующей гипотетической заменой лица в охранительном правоотношении. Представители же судебной власти в особом порядке наделяются государством не специальной или профессионально-ролевой правосубъектностью, оперируя которой они им осуществляют полномочия применительно ко всем прочим субъектам процессуальных отношений. Таким образом, о каких-либо промежуточных, «квази», правовых категориях в системе субъектов гражданских процессуальных правоотношениях говорить не приходится.

Список литературы

1. Гражданский Процессуальный Кодекс РФ.
2. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
3. Фомин С.В. Предисловие редактора перевода // Нильсон Н. Искусственный интеллект: методы поиска решений: пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. С.В. Фомина. – М.: Мир, 1973. – 272 с.
4. Prakken H. On how AI & law can help autonomous systems obey the law: a position paper / H. Prakken // AI4J – Artificial Intelligence for Justice. – 2016. – P. 42–46. – P. 45 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ai.rug.nl/~verheij/AI4J/papers/AI4J_paper_12_prakken.pdf. (дата обращения: 20.10.2024).

5. McGinnis J.O., Russel G.P. The great disruption: How machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services / J.O. McGinnis, G.P. Russel // *Fordham Law Review*. – 2013. – №82. – P. 3041–3066.
6. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование / С.И. Архипов. – СПб.: Пресс, 2004. – С. 31–38.
7. Рассолов М.М. Проблемы теории правоотношения / М.М. Рассолов, В.П. Малахов, А.А. Иванов // *Актуальные проблемы теории государства и права*. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 247 с.
8. Мицкевич А.В. Избранное / А.В. Мицкевич. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – 2010. – С. 150–151.
9. Афанасьев С.Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта / С.Ф. Афанасьев // *Вестник гражданского процесса*. – 2022. – Т. 12. – №3. – С. 12–31 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-3-12-31> (дата обращения: 20.10.2024). – EDN FJAOGM
10. Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права / И.А. Покровский // *Вестник гражданского права*. – 1913. – №4. – 32 с.
11. Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / М.Х. Гарсиса Гарридо. – М.: Статут, 2005. – 231 с. – EDN QWFNNF
12. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис ... канд. юрид. наук. М., 2019. – С. 10; Крысанова Н.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // *Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сборник статей* / отв. Е.В. Алферова. – М.: ИНИОН РАН, – 2021. – С. 218–230. – EDN NPJPLX